

стратегических союзников в лице Республики Корея и Японии. Как и в случае со многими долгосрочными прогнозами, трудно оценить вероятность развертывания такого сценария.

В третьей главе российские, китайские и американские ученые представляют точки зрения научного сообщества своих стран на российско-китайские отношения. Следует высоко оценить эту часть книги: представление широкого спектра мнений, с одной стороны, повышает объективность издания, с другой — его ценность, делая его не только аналитическим, но и обзорным.

Издание, безусловно, предоставляет богатую пищу для размышлений о структурах и практике международных отношений в Азии. Авторам удалось подробно и всесторонне проанализировать отношения России и Китая во временном, аспектуальном и пространственном измерениях, справедливо выделяя особое положение комплекса корейских вопросов. Несмотря на некоторые шероховатости, связанные с тем, что над изданием работал коллектив специалистов (дублирование некоторых тем, кардинально различные оценки авторами разных разделов одних и тех же проблем), книга оставляет цельное положительное впечатление.

К сожалению, круг потенциальных читателей ограничен тем, что книга на данный момент издана только на корейском языке. Однако хотелось бы верить, что издание будет переведено на русский, поскольку оно может быть интересно не только специалистам по Северо-Восточной Азии, но и всем читателям, интересующимся международно-политической тематикой.

*И.В. Дьячков,
аспирант кафедры востоковедения,
преподаватель кафедры японского,
корейского, индонезийского
и монгольского языков
МГИМО (У) МИД России*

Туманова А.С., Киселев Р.В.

Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX — начала XX века.

М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 279 с.

Вполне соглашусь с авторами рецензируемой монографии в том, что в ней впервые «предпринят системный анализ теоретической разработки проблемы прав и свобод личности российскими учеными-юристами и реализации их идей в форме законодательных актов и законопроектов, устанавливающих права российских подданных» (с. 2). Менее четким и убедительным выглядит (в особенности после ознакомления с работой) сформулированный в аннотации к монографии тезис, согласно которому «материалы книги показывают, что конституционная реформа начала XX в., нацеленная на закрепление за российскими подданными политических и гражданских прав, способствовала модернизации российской государственности и правовой системы, формированию конституционного правосознания» (с. 2). С точки зрения общей истории России (а не только истории юридической мысли и законодательской деятельности), как несомненные достоинства, так и очевидные недостатки обсуждаемой работы обусловлены тем, что она выполнена в русле того подхода, в рамках которого *реальная степень зрелости* в России второй половины XIX — начала XX в. «института прав и свобод личности» остается только в сфере периферийного зрения исследователей.

Общественно-политическая и научная значимость обращения А.С. Тумановой и Р.В. Киселева к до сих пор недооцененному творческому наследию русских правоведов и законодателей позднего имперского времени никаких сомнений не вызывает. Сами авторы справедливо отмечают в связи с этим тот очевидный факт, что многие десятилетия в нашей стране «право личности трактовалось

не столько как свобода личности, сколько как ее общественная обязанность», поскольку «базовыми постулатами» всей идеологии и практики советского времени являлись «представления об октроированности прав и свобод и их обусловленности обязанностями (ответственностью перед обществом, потребностью укрепления социалистического строя, социальными функциями др.)» (с. 62).

Переходя к современности и оставаясь в жестких рамках историко-юридического подхода, авторы особенно акцентируют значение Конституции Российской Федерации 1993 г., разработка и принятие которой, по их мнению, знаменовали собой «революционное событие» (с. 28), настоящий «переворот в общественном сознании и, в особенности, в правосознании, переход от трактовки права как права власти к пониманию права как самостоятельного и значимого социального феномена, утверждающего свободу и ценность человеческой личности» (с. 6).

Думается, что исследователь, которого интересует проблема формирования в России гражданского общества (а не только истории права), обязательно бы уточнил, что этот переход был в решающей степени подготовлен переменами, произошедшими «в общественном сознании и, в особенности, в правосознании» еще на рубеже 1980—1990-х гг. Именно тогда под влиянием многих факторов наметился процесс превращения подданного, как члена социума, подчиненного власти, в гражданина — участника осуществления государственной власти. Сама же Конституция 1993 г. лишь отразила как эти прогрессивные сдвиги, так и свойственную общественным настроениям и социальному поведению того времени амбивалентность, воплотившуюся, как полагают некоторые специалисты, и в «противоречии между демократическим и авторитарным элементами» Основного закона Российской Федерации (с. 65).

Исключительную роль в понимании права как «убежища от произвола, как института свободного самоутверждения человека» (с. 28) и в России конца XIX — начала XX в., и в наши дни сыграла обновленная усилиями блестящей плеяды русских юристов позднеимперского времени естественно-правовая доктрина, нацеленная на то, «чтобы ограничить притязания государства по своему усмотрению определять объем прав и свобод человека, не считаясь при этом с необходимым для нормальной жизнедеятельности индивида набором прав» (с. 62). Впрочем, каковы бы ни были прослеживаемые в монографии расхождения между представителями естественно-правовой школы, сторонниками юридического и социологического позитивизма в решении теоретических вопросов о приоритетном значении прав человека, самого государства или общества, все они, как показывают авторы монографии, исходили из признания того, что способность обеспечить права и свободы граждан делала государство, стабильным и эффективным; и, наоборот, неспособность их обеспечить создавала угрозу существованию самого государственного союза. Все эти либеральные теории права признавали законодательное обеспечение и последовательное осуществление прав и свобод личности важной функцией современного государства.

В конце XIX — начале XX в. русские либеральные правоведы, как показывают авторы монографии, дополнили классическую концепцию правового государства — «ночного сторожа» разработкой концепции социального государства, озабоченного общим благом. Но приоритетными для России того времени оставались все-таки те «основные свободы (совести, слова, союзов и собраний)», которые в тогдашнем политическом лексиконе сравнивались «с четырьмя ногами “лошади”, имя которой — правовое государство». Как справедливо поясняют авторы, «это сопо-

ставление призвано было показать, что указанные гражданские и политические свободы являлись неотъемлемой составной частью правового государства, и без них, без полного комплекта всех четырех составных элементов, последнее не могло существовать» (с. 8).

В ходе анализа процесса разработки Временных правил об обществах и союзах, а также Временных правил собраниях в правительственных учреждениях в конце 1905 — начале 1906 г., авторы демонстрируют, что чиновникам также не были чужды идеи о подзаконности исполнительной власти, преимуществах судебного порядка рассмотрения дел об обществах и собраниях перед административным, достоинствах явочного и заявительного режимов открытия обществ и собраний и т.д.

Сравнивая законотворчество чиновников и либеральных членов Государственной Думы, авторы приходят к выводу, что последние, конечно, проводили принцип свободы личности более широко и последовательно, чем исполнительная власть. Вместе с тем проблемы правоприменения, механизмы реализации прав и свобод личности в специфических условиях Российской империи — поликонфессионального государства с монархической формой правления и авторитарным политическим режимом, интересовали либеральных думцев в меньшей степени (с. 268).

Но упрек в недостатке внимания к правоприменению можно адресовать и самим авторам рецензируемой монографии. Специально этот вопрос ими не рассматривается. Ссылаясь на извест-

ного русского либерального политика и юриста В.А. Маклакова, авторы только пишут, что и после 1905—1906 гг. «Россия по-прежнему управлялась в основном методами, характерными для абсолютной монархии, а население империи не ощущало в обыденной жизни наличия конституции и парламента» (с. 230).

Признавая актуальность рецензируемого исследования для современной России, соглашаясь с его выводами о наличии преемственности между развитием правовой мысли и законотворческой практики в позднеимперский период и в наши дни, следует все-таки заметить, что этими сюжетами «связь времен» не исчерпывается.

Более чем вековой период мучительного становления в России института прав и свобод личности требует рассмотрения этого вопроса не только в аспекте развития правовой мысли и законотворческого процесса, а с точки зрения того, насколько провозглашаемые конституционные принципы и детализирующие их законы востребуются обществом в его повседневной жизни, как они соотносятся с практикой государственного управления и поведением чиновничества, насколько создаваемая не в первый раз «новая правовая реальность» становится частью социальной действительности?

Рецензируемая монография прямо не отвечает на эти вопросы, но настойчиво побуждает к поиску обстоятельных ответов на них.

*С.С. Секиринский,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН*